

ГЛАВА XX. 19 ноября 1936 ГОДА

В министерстве обороны Дуррути переговорил с Висенте Рохо и генералом Миахой. Он проинформировал их о положении, в котором находилась его колонна или её остатки — не более 400 человек. Конечно, не только Дуррути нёс ответственность за то, что колонна или военные подразделения, сражающиеся в Университетском городке, находились в таком плачевном состоянии. Также не один он торопил Главный штаб с решением вопроса о замене бойцов. Но что могли сделать Миаха и Рохо? Битва за Мадрид происходила не в классических условиях военных учебников, по которым учились Рохо и Миаха, а при обстоятельствах, когда эти профессиональные военные играли роль всего лишь координаторов, или центров информации. В конце дня они передавали сведения ответственным на различных участках. В результате вырабатывались генеральные планы обороны или нападения, которые претворялись в жизнь без принуждения и с согласия самих бойцов. «Именно “милисьяно” решал судьбу битвы за Мадрид», — постоянно повторял Рохо в те дни. Впоследствии, повествуя об обороне столицы Испании, он напишет так и в своих книгах. В заключение единственной положительной информацией, которую смог вынести Дуррути из заседания, было обещание: на следующий день, 19 ноября, любой ценой попытаться заменить людей из колонны «Дуррути». Но нужно было дожить до того дня. Необходимо было по мере возможности занять Клинический госпиталь и удержать занятые позиции внутри Университетского городка. В Министерстве обороны имелось мнение, что в последние сутки фашисты предприняли какой-то манёвр с намерением подвинуться до Пуэрта-дель-Соль. Попытка им не удалась, и теперь предполагали: они сделают всё возможное, чтобы удержаться на ранее занятых позициях с целью совершения новых атак в будущем. Тем не менее, даже если бы такие предполагаемые действия и имели место, и если бы «милисьянос» в течение последних 24 часов удалось бы удержать железное кольцо, сдерживая наступление фашистов в Университетском городке, Мадрид был бы спасён. Позднее сами факты подтвердили точность такого прогноза...

Из министерства обороны Дуррути вышел озабоченным. Если хладнокровно анализировать ситуацию, дело обстояло так: в Мадриде не хватало ни людей, ни военного снаряжения. Столица держалась благодаря отчаянному ходу событий. Со стратегической точки зрения, правительство Республики, доверив плацдарм Мадрида генералу Миахе, не рассчитывало на то, что этому генералу удастся удержать его, и поэтому отдали распоряжение: если обстановка обострится, он должен отступить к участку Куэнка. Но случилось нечто неожиданное для всех: те, кто до самого Мадрида отступал, дойдя до столицы, поняли, что больше бежать некуда, и в таком случае лучше умереть в бою. Именно так можно объяснить психологический феномен, имевший место 7 ноября.

С того момента оказались ненужными военные учебники, и на практике стала применяться личная инициатива, которая преобразовалась в коллективную силу, вставшую перед выбором: победить или погибнуть в бою. Висенте Рохо совершенно правильно пишет о создавшейся ситуации:

«Можно было наблюдать действия некого “посольского атташе”, который, пользуясь замешательством первых дней обороны, вошёл в один из кабинетов военного штаба с такими словами:

— Однако, в конце концов, почему вы не сдаётесь?

— Потому что нам не хочется! — услышал он в ответ»²⁴⁹.

Мадрид оборонялся, применяя именно такую стратегию. Подобная школа жизни породила таких защитников, как Антонио Колл, показавший своим товарищам, что, обладая спокойствием и гранатой, можно заставить перевернуться механические бестии брюхом вверх. Танки крушили на своём пути всё на участках Карабанчель Бахо, Усера, Пуэнте-де-Сеговиа, а также рабочие кварталы на окраине города. Примеру Колла последовали другие. Таким образом, было подорвано много танков, и много храбрецов погибло под их колёсами — например, делегат колонны «Свободная Испания» (Espanña Libre). Вдохновляя своих бойцов, он первым бросился на танк и смог подорвать его, заплатив за подвиг своей жизнью...

Полностью поглощённый этими безумными, каждодневными событиями, Дуррути спускался по ступенькам министерства обороны. И на площадке столкнулся с Кольцовым. Они поздоровались, и Дуррути отказал Кольцову в его просьбе посетить линию фронта в Университетском городке (странная и невозможная просьба).

«Он покачал головой в знак отказа; сказал мне: сейчас займётся подготовкой своего участка фронта и прежде всего защитит от дождя часть своих людей (...). Для меня это были его последние слова. Дуррути был не в духе»²⁵⁰.

Выйдя из здания Министерства обороны и вплоть до 20 часов того дня — 18 ноября — Дуррути объезжал новые, занятые колонной позиции: «После нефтеперерабатывающей фабрики Галь, пересекая Серро-дель-Пимьенто и до казармы Гражданской гвардии, а также все небольшие гостиницы, расположенные на восток от Клинического госпиталя, до ряда зданий Университетского городка»²⁵¹.

Когда приблизительно в 20:00 Дуррути подъехал в штаб-квартиру своих частей, то прежде он уже заехал в Военный комитет, чтобы узнать о новостях на следующий день, и также обсудил с Эдуардо Валем вопрос милитаризации милиций. Единственными частями «милисьянос» на линии фронта Мадрида, сохранявшими старую структуру, были анархисты. Все остальные — социалисты или коммунисты — согласились с милитаризацией, и их делегаты принимали соответствующие военные чины. Наиболее яростными милитаристами, естественно, являлись коммунисты; уже серьёзно чувствовалось их влияние. Деятельность Интернациональных бригад сильно преувеличивалась и оркестровалась коммунистической пропагандой, которая пыталась придать этим силам характер наиболее важного фактора в

сопротивлении.

Советский Союз, чья военная помощь уже становилась ощутимой реальностью, действовал в русле такой пропаганды. «Курносые» уже летали в мадридском небе, смело сражаясь с эскадрильями немецких истребителей и бомбардировщиков, которые своими зажигательными бомбами сметали всё на своём пути. Кроме того, появились русские танки. В осаждённом и безоружном Мадриде всё это сразу же вызывало симпатии. Но трагедия заключалась в том, как неблагородно эксплуатировались спонтанные чувства людей. Пропагандисты Коммунистической партии в тысячи раз преувеличивали советские поставки, представляя их как бескорыстную помощь испанскому народу. Коммунистическая пресса также наводнялась прозой сталинистской экзальтации на тему безвозмездной поддержки СССР. К тому же героями на всех линиях фронта оказывались партийные. Лидерами того момента стали (Энрике) Листер, или «Эль Кампесино»²⁵². Среди строк подобной прозы уже устрашающе проскальзывали косвенные атаки на анархистов. Тот факт, что СССР являлся единственной державой, продающей военное снаряжение Испании, (причём не было известно о требовании «предварительной оплаты»), послужил достаточным мотивом для большего внедрения Партии, которая уже начинала доминировать в Министерстве обороны через «почитаемого» генерала Миаху.”

Беседа Дуррути с Валем вращалась вокруг этого пункта, и в качестве срочной меры противостояния сталинской опасности на следующий день, 19 ноября, было назначено собрание активистов. Сиприано Мера, сказал Валь Дуррути, заедет к нему в казарму вечером.

«В восемь вечера, — пишет Мера, — мы (Фелисьяно Бенито, Вильянуэва и я) подъехали на его командный пунктс целью оказания какой-либо поддержки».

Говорили на тему, волнующую всех, — оборона Мадрида. Мера настаивал на своём. Необходимо было объединить все силы Конфедерации в одну прочную структуру. Дуррути должен был возглавить её. Вопрос представительства сильно беспокоил Дуррути, так как он считал, что Военные комитеты должны были функционировать, действовать как обычно, в качестве органов коллективного управления, а первичные организации, как всегда, осуществляли бы должный контроль. Он признавал, что такой механизм имел свои недостатки, но вместе с тем и преимущества — воспрепятствовать образованию армии, которая, быть может, и не носила бы такого имени, но действовала бы как таковая...²⁵³

Меру вызвали с его командного пункта, и он ушёл с собрания, но перед уходом он и Дуррути договорились встретиться в шесть утра 19 ноября в казарме Гражданской гвардии — именно оттуда должны были исходить приказы штурма Клинического госпиталя. Главный штаб предоставил в распоряжение Дуррути прибывшие из Барселоны подразделения. Рассчитывали, что эти части, а также Центурия, посланная Вильянуэвой, которую Сиприано Мера передал Дуррути, будут участвовать в атаке на Клинический госпиталь.

Рассвет 19 ноября ничем не отличался от предыдущего дня: шёл дождь, временами он переходил в ливень. Резкие порывы холодного ветра делали погоду невыносимой. Грязь, вода, ветер и свинец; смерть, караулящая на каждом углу, за каждым деревом, или

закрытыми окнами. Солнце ещё не встало, когда в шесть утра, Дуррути и Мера встретились у входа в гарнизон Гражданской гвардии «Королева Виктория». Мера сопровождали Фелисьяно Бенито и Артемио Гарсия, его связной. С Дуррути прибыли Йолди и Мансана. Все поднялись на башню гарнизона, чтобы с высоты следить за боевыми действиями.

«Ещё было темно, и поэтому мы не могли наблюдать за началом атаки; но приблизительно в семь утра уже было ясно, что наши занимали некоторые этажи Госпиталя, которые выходили наружу, а также крыши здания. Дуррути послал записку капитану, руководящему штурмом, рекомендуя прежде всего занять нижний этаж и подвалы, чтобы затем очистить от противника остальные участки здания. Такой приказ был отдан по той причине, что через донесения связных нам стало известно: начав атаку, “мильсьянос” встретили сопротивление на нижних этажах и поэтому поднялись наверх. Тогда я сказал Дуррути, что очень хорошо помнил, ещё со времён работы там каменщиком: в Госпитале имелся проход, который соединял главную водопроводную трубу Мансанареса, и она была достаточно широкой для прохода по ней людей. Именно после этого Дуррути послал капитану упомянутый ранее приказ»²⁵⁴.

Однако распоряжение прибыло поздно. Фашисты заняли первый этаж и таким образом отрезали связь с нашими людьми, занявшими верхние этажи. Необходимо было вновь атаковать и сразиться с повстанцами, укрепившимися в нижней части здания. В распоряжении Дуррути был резервный батальон, и он приказал его командиру выслать две роты к Госпиталю. Капитан, командующий батальоном, в ответ возразил, что не может выполнить эту задачу; однако Дуррути настоял: если нижний этаж не очистить от противника, товарищи наверху погибнут. «Если товарищи не доверяют друг другу, — сказал он капитану, — невозможно добиться победы». Неизвестно, убедили ли капитана слова Дуррути, но указанные роты вышли к Клиническому госпиталю...

Когда Дуррути вновь поднялся на наблюдательный пункт, Сиприано Мера попытался поднять вопрос о дисциплине:

— Дело в том, что бывают моменты, когда приказы нужно исполнять тотчас же... — И вдруг его перебила пуля, пролетевшая около нас и затем вонзившаяся в ящик лестницы. Дуррути воскликнул:

— Чуть в нас не попал, придурок!

Пока возобновлялась атака на Клинический госпиталь, Мера и Дуррути спустились с башни на улицу. Мера очень тревожил вопрос о дисциплине. Он говорил, что сражения научили его следующему: «для того чтобы люди выполнили порученную задачу и не оставили назначенной им позиции (другими словами, чтобы они подчинялись), нет иного способа, кроме дисциплины». Дуррути ответил:

— Ладно, Мера, что касается основных частей твоих доводов, мы согласны с тобой. В общем, я согласен. Кроме того, нужно объединить наши силы. Мои части нуждаются в отдыхе: им пришлось очень трудно. Сегодня в четыре часа дня мы встретимся с товарищем Валем и вместе поговорим обо всём этом²⁵⁵.

Часы показывали 12:30, 19 ноября 1936 года.

Когда Дуррути прибыл в штаб-квартиру и спросил у Мора, что нового, тот передал ему только что полученную записку:

«Товарищ Дуррути! Наше положение отчаянное; постарайся, применяя всё что можно, вытащить нас из этого ада. Потери наши огромные, а кроме того, мы уже семь дней подряд не ничего не ели и совсем не спали. Физически мы смертельно устали... Жду твоего скорого ответа, шлю привет. Мира»²⁵⁶.

Прочтя записку, Дуррути тотчас же послал ответ:

«Товарищ Мира! Я понимаю ваше физическое изнеможение. Я тоже в таких же условиях; но что же нам делать, друзья? Война — это жестокость. Тем не менее обстановка улучшилась. Вам необходимо держаться на посту до тех пор, пока не подойдёт замена. Это случится сегодня. Всем привет, Дуррути».

Море он продиктовал следующие строки на подпись генерала Миахи:

«Товарищ Мора, министерство обороны приняло решение о замене бойцов, стоящих на передовой линии фронта. Ты должен проследить за тем, чтобы сегодня эти подразделения ретировались с позиций, которые в настоящее время занимают, и сконцентрировались в гарнизоне на улице Гранада, номер 33. Для этого тебе надо оповестить командира, ответственного за этот участок, чтобы он указал, какие части должны заменить тебя в здании факультета философии и литературы, а также в Асило Санта Кристина. Об исполнении этого приказа ты должен мне доложить ранее 12:00 часов завтрашнего дня. Мадрид, 19 ноября 1936 года. Подпись: Б. Дуррути. Проверено и одобрено: Генерал Миаха»²⁵⁷.

Как только Дуррути подписал этот приказ и уже передавал его Море на подпись генерала Миахи, в сопровождении Лоренте и Мигеля Доги прибыл Бонилья, чтобы сообщить ему о только что произошедших нежелательных переменах на участке Клинического госпиталя. Новости, переданные Бонильей, изменили планы Дуррути, так как водитель Хулио Гравес уже подготовил автомобиль («Паккард») для доставки Дуррути в Комитет обороны НКТ — на собрание активистов, назначенное на этот день. Мансана посоветовал Дуррути поехать на собрание, а он займётся решением внезапно возникшей проблемы. Дуррути на мгновение задумался и затем сказал:

«Если тут речь идёт о паническом отступлении, моё присутствие будет более действенным».

Мы приводим рассказ Антонио Бонильи:

«Было 13:00 (19 ноября), когда я решил поговорить с Дуррути, чтобы объяснить создавшуюся ситуацию. Лоренте вёл машину, и меня сопровождал один каталонский плотник, очень храбрый парень. Его звали Мигель Дога. Прибыв в штаб-квартиру, мы увидели: “Паккард” Дуррути уже почти отъезжал, и он сидел в машине вместе с Мансаной.

Я объяснил ему создавшееся положение, и Дуррути решил сам поехать на место. Я сказал Хулио Гравесу (водителю), чтобы он ехал за нами, так как нужно было избегать участков, где шли бои, — он так и сделал. Мансана, как всегда, нёс за плечом свой “наранхеро”258. С шеи свисал завязанный платок — так он иногда поддерживал раненую руку: на прошлой неделе его ранили в палец. Дуррути, как казалось, не был вооружён, но под его кожаной курткой висел его всегдашний “кольт 45”. Их машина ехала за нами, пока мы не прибыли к коттеджам, занятым нашими поредевшими подразделениями. Тогда их автомобиль остановился. Мы находились впереди, метрах в двадцати от них.

Дуррути вышел из машины, чтобы сказать что-то “милисьянос” которые там, за забором, грелись на солнце. На том участке не шли бои. В том же самом месте Дуррути был смертельно ранен, и испанская революция понесла самую жестокую и невообразимую потерю.

Мы сидели в другом автомобиле, впереди, на расстоянии приблизительно двадцати метров, и ожидали примерно три или четыре минуты. Когда Дуррути сел в машину, мы тронулись с места и, посмотрев назад, чтобы проверить, едут ли они за нами, увидели, что их автомобиль разворачивался и быстро уехал в обратном направлении. Я вышел из машины и спросил у ребят, что произошло. Они ответили, что кого-то ранили. Я спросил, знали ли они, кого именно, и они ответили, что нет. Я сказал Лоренте, что мы должны тотчас же вернуться. Было два с половиной часа пополудни»259.

Антонио Бонилья чётко указывает на две вещи: а) когда Дуррути выехал из штаб-квартиры на улице Мигель Анхель, с ним было только двое сопровождающих: Хулио Гравес (водитель) и Хосе Мансана, его помощник; б) они не видели, что случилось в тот момент, «когда Дуррути сел в машину, потому что мы тронулись с места и, посмотрев назад (...), увидели, что “Паккард” разворачивался». Однако в свидетельстве Бонильи уже имеется первая неясность: «Я вышел из машины и спросил у парней, что случилось. Они сказали, что кого-то ранили». Бонилья указывает, что «на том участке не шли бои», и, кроме того, подразумевается, что с расстояния «двадцати метров» они увидели всё, что происходило вокруг Дуррути. Двадцать метров — небольшое расстояние, и выстрел, даже произведённый из «наранхеро», может быть прекрасно услышан. Бонилья не пишет о том, что он услышал выстрел. Как же парни могли знать, что «кого-то ранили»? Видели ли они, как Дуррути был ранен в его собственном автомобиле? Здесь Бонилья неточен. Представляется странным, что, когда эти парни сказали Бонилье: «Кого-то ранили», он не выяснил причину, так как «на том участке не шли бои», и, следовательно, Бонилья не услышал никакого выстрела...

Рассказ водителя, Хулио Гравеса, мы позаимствовали у корреспондента Solidaridad Internacional Ариэля:

«В тот день — день гибели Дуррути — в здании Национального подкомитета, на улице Реформа Агрария, напротив Ретиро должен был состояться пленум активистов. В качестве представителя Национального комитета в Мадрид из Таррасы прибыл товарищ Пратс. Ввиду того, что здание Soli было частично повреждено бомбардировками прошлых ночей, для нашей журналистской работы мы воспользовались одной из высоких комнат этого здания. В

полдень, как обычно (и об этом знали товарищи из подкомитета), я направился в штаб-квартиру Дуррути, чтобы получить информацию для газеты. Меня попросили передать Дуррути что в тот день в 15:00 намечено провести собрание активистов для обсуждения темы конфедеральных милиций.

Я так и сделал. После обеда я, как всегда, отправился в штаб-квартиру Дуррути. Когда я туда пришёл, мне сообщили, что несколько минут назад он выехал на линию фронта. Сколько раз потом я сожалел, что не застал его! Если бы он был на месте — быть может, он отправился бы на собрание активистов и таким образом спасся от гибели. Но судьба, фатальный случай решил всё по-своему. Дуррути было суждено умереть в тот день, как герою (...).

Спустя какое-то время (...) я увидел там шофёра Дуррути. Парень среднего роста, хорошей выправки. Его звали Хулио Гравес. Он искал моего брата Эдуардо — они были старыми друзьями ещё со времён социальных сражений в Барселоне. Я сказал ему, что он спал в соседней комнате. Хулио выглядел очень грустным, и на лице его было написано глубокое волнение. Но я не придавал этому большого значения — все мы переживали суровые времена.

Как только я услышал, что мой брат проснулся и заговорил с водителем Дуррути, сразу же последовали звуки плача. Я быстро встал и направился в комнату, откуда слышались всхлипывания.

— Что случилось? — спросил я, обеспокоенный.

— Дуррути смертельно ранен, — ответил мне один из них, — и, быть может, уже скончался.

— Но нежелательно, чтобы эта новость стала известной сейчас, — сказал товарищ Хулио Гравес.

Было пять часов вечера.

(...)

— Расскажи мне всё как есть, всю правду, — сказал я товарищу Хулио Гравесу.

— Правда одна и вот. После обеда мы отправились на линию фронта в Университетском городке, с нами был товарищ Мансана. Мы подъехали к Куатро Каминос. Оттуда на всей скорости спустились по проспекту Пабло Иглесиас. Пересекли район маленьких отелей, расположенный в конце проспекта, и свернули направо. После больших потерь на площади Монклоа и у стен тюрьмы Модело части Дуррути заняли другие позиции. Светило осеннее солнце. Подъехав к широкому шоссе, мы увидели группу “милисьянос”, шедших по направлению к нам. Дуррути понял, что это были молодые бойцы, дезертирующие с линии фронта. То место выглядело разрушенным после боёв. Клинический госпиталь, занятый в те дни частями арабов, господствовал над всеми окрестностями. Тогда Дуррути попросил остановить машину. Я так и сделал; мы остановились на углу одного из тех небольших отелей, соблюдая меры предосторожности. Дуррути вышел из машины и направился к покидающим линию фронта “милисьянос”. Спросил у них, куда шли, и, так как они замялись,

он настоял: они должны вернуться на свои боевые позиции; Дуррути говорил сурово и чётко.

После того, как парни подчинились, — продолжил товарищ Гравес, — Дуррути пошёл назад, к машине. Ливень пуль становился всё сильнее. Послышались яростные выстрелы со стороны яркой громады Клинического госпиталя. Подойдя к дверце машины, Дуррути упал. Ему прострелили грудь. Мансана и я выскочили из автомобиля и тотчас же усадили его в машину. Я, как мог быстро, развернул машину, и мы поехали в Мадрид, к госпиталю каталонских милиций (оттуда мы и приехали). Остальное тебе известно. Это всё». Ариэль заканчивает свой рассказ, подтверждая важную подробность: «Слёзы текли по щекам этого молодого анархиста. Он и Мансана были единственными очевидцами того последнего, фатального и трагичного момента жизни героя обороны Мадрида...»260.

Версия #1

Зверобой создал 25 июля 2025 23:11:25

Зверобой обновил 25 июля 2025 23:19:00